

О ДОСТОЕВСКОМ

Софья Сергеевна Фёдорова

*Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова,
кафедра психиатрии и наркологии, 119435, г. Москва, ул. Россолимо, д. 11, стр. 9,
e-mail: fyodorova.sofya@gmail.com*

Реферат. Представлен литературный обзор публикаций врачей-психиатров, филологов и литературных критиков с конца XIX века по настоящее время, посвященных вопросу дифференциальной диагностики болезни Ф.М. Достоевского. Проанализировано отражение болезни в художественных произведениях и письмах в различные периоды творчества писателя.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, эпилепсия, экстагическая аура.

ABOUT DOSTOEVSKY

Sofia S. Fedorova

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University,
Department of psychiatry and narcology
119435, Moscow, Rossolimo Street, 11, building 9,
e-mail: fyodorova.sofya@gmail.com

This article presents a review of publications of psychiatrists, philologists and literary critics, discussing the question of differential diagnosis of F.M. Dostoevsky disease. The way his illness was incorporated in his art during different periods of time was analyzed.

Key words: F.M. Dostoevsky, epilepsy, ecstatic seizures

Во все времена работы Ф.М. Достоевского представляли интерес для людей, занимающихся патографией – составлением биографии «под углом зрения патологии и освещающей не только историю жизни личности, но и творчество» [15]. В разные периоды времени известные психиатры публиковали статьи, читали лекции, посвященные психиатрическому анализу героев Достоевского. Среди них был и первый русский патограф В.Ф. Чиж, и известные психиатры Н.Н. Баженов, В.М. Бехтерев, К. Леонгард, представители патографического движения Д.А. Аменицкий, И.Б. Галант, а впоследствии и Д. Ранкур-Лаферьер, И.П. Смирнов и др. Вышли в свет патографии князя Мышкина, Родиона Раскольникова, Николая Ставрогина, Федора и братьев Карамазовых, Смердякова. Однако интерес к

творчеству Достоевского с позиции психиатрии со временем не ослаб. Н. Morgan, подчеркивает, что чтение работ Достоевского может способствовать глубокому пониманию внутреннего мира пациента, а его творчество – хороший пример того, как искусство может обогатить медицинскую практику [45]. L.C. de Souza et al. считают, что автор дает возможность читателям увидеть мир глазами эпилептика [35].

И современники Достоевского, и его друзья, и критики, и биографы обращали внимание на чрезвычайную автобиографичность его работ: герои и их истории отражаются в письмах, дневниках и воспоминаниях писателя. Нельзя не согласиться с Д.С. Мережковским: «У Достоевского и в особенности у Л. Толстого, произведения так связаны с жизнью, с личностью писателя, что нельзя говорить об одном без другого: прежде чем изучать Достоевского и Л. Толстого, как художников, мыслителей, проповедников, надо знать, что это за люди» [21]. Н. Страхов в воспоминаниях писал: «...Это был один из самых искренних писателей, что все, им писанное, было им переживаемо и чувствуемо, даже с великим порывом и увлечением. Достоевский — субъективнейший из романистов, почти всегда создававший лица по образу и подобию своему» [10]. А Н. Бердяев подчеркивал, что «все герои Достоевского – он сам, различная сторона его собственного духа» [5].

Чрезвычайно «личное» отношение Достоевского к своим героям нашло отражение и в особом стиле писателя. Так, М.М. Бахтин указывает на уникальный стиль Достоевского, который «не подчиняется ни одной из историко-литературных схем европейского романа», выражаясь в том, что «в его произведениях появляется герой, голос которого построен так, как строится голос самого автора в романе обычного типа, а не голос его героя», а его слово «о себе самом и о мире так же полномерно, как обычное

авторское слово» [4]. С точки зрения Т. Розенталя, «если у гениального писателя мы находим подобную упорную невозможность стать на объективную точку зрения, то корни ее кроются в той же психологической связи страдания и творчества» [23]. Таким образом, творчество Достоевского становится тем более интересным, что оно не только не отделено от личности писателя, но, более того, является самым ярким и наиболее полным отражением его переживаний, не находя такого выражения в личных письмах и дневниках. С этой точки зрения, наибольший интерес представляет не психиатрический анализ отдельно взятого и оторванного от общей структуры произведения героя, а работы филологов, литературных критиков, литературоведов, которые «всматриваются» в ткань текста, охватывая всё произведение целиком, зачастую тоньше и глубже чувствуя влияние личности писателя на его творчество.

В первую очередь следует отметить, что сам факт болезни Достоевского уже является предметом спора. Возможно, поводом для сомнений стало откровение Смердякова: «Если бы я даже эту самую штуку и мог-с, то-есть чтобы притвориться-с, и так как ее сделать совсем не трудно опытному человеку...» [13 (Т. 14, С. 246)]. В работе «Достоевский и отцеубийство» Фрейд предположил, что припадки Федора Михайловича имели невротическую природу: «Достоевский называл себя эпилептиком... весьма вероятно, что эта, так называемая, эпилепсия была лишь симптомом его неврозов и в этом случае должна относиться к классу истерико-эпилепсий, что по сути есть тяжелая истерия» [27]. С ним согласуются мнения Г.В. Сегалина, Т. Розенталя, которые относили болезнь Достоевского к аффект-эпилепсии [23, 24]. Впечатлительность, мечтательность, развитое воображение характерны для героев Достоевского: «Я лучше любил лежать и думать. И всё думал... И всё такие у меня были сны, странные, разные сны, нечего говорить какие!» [13 (Т. 6, С. 320)]. «Но сколько любви, господи, сколько любви переживал я, бывало, в этих мечтах моих... Все плачут и целуют меня..., а я иду босой и голодный проповедовать новые идеи и разбираю ретроградов под Аустерлицем» [13 (Т. 5, С. 133)]. «Страстишки во мне были острые, жгучие от всегдашней болезненной моей раздражительности. Порывы бывали истерические, со слезами и конвульсиями» [13 (Т.5, С.127)].

В то же время впечатлительность, граничащая с псевдогаллюцинациями, свойственна и самому Достоевскому (из письма брату Михаилу 27 августа 1849 г.): «Да к тому же, особенно к ночи, усиливается впечатлительность, по ночам длинные, безобразные сны, и, сверх того, с недавнего времени мне всё кажется, что подо мной колыхается пол, и я в моей комнате сижу, словно в паровой каюте...» [14], прослеживаясь на протяжении всего творчества. Яркие образы и беспокоящие ощущения появляются как в ранних работах: «...Там он зажег свечу – и через минуту образ плачущей женщины поразил его воображение. Так пламенно, так сильно было впечатление... что глаза его помутились и как будто огонь пробежал по всем его членам. Но видение продолжалось недолго» [13 (Т.1, С.269)] («Хозяйка», 1847 г.), так и в более поздних: «...от расстройства ли нерв, от новых ли впечатлений в новой квартире, от недавней ли хандры, но я мало-помалу и постепенно, с самого наступления сумерек, стал впадать в то состояние души, которое так часто приходит ко мне теперь, в моей болезни, по ночам, и которое я называю мистическим ужасом». [13 (Т.3, С. 207–208)] («Униженные и оскорбленные», 1861 год). «В последнее время, иногда по ночам, его мысли и ощущения почти совсем переменились в сравнении с всегдашними и большею частью отнюдь не походили на те, которые выпадали ему на первую половину дня...» [13 (Т. 9, С. 7)] («Вечный муж», 1870 г.).

Е.А. Amâncio расценивает восторженность Достоевского как синдром Стендаля, проявившийся у него впервые в 1867 г., когда он увидел картину Ганса Гольбейна: «Картина произвела на Ф.М. подавляющее впечатление, и он остановился перед нею как бы пораженный... Когда минут через пятнадцать-двадцать я вернулась, то нашла, что Ф.М. продолжает стоять перед картиной как прикованный. В его взволнованном лице было то как бы испуганное выражение, которое мне не раз случалось замечать в первые минуты приступа эпилепсии. Я потихоньку взяла мужа под руку, увела в другую залу и усадила на скамью, с минуты на минуту ожидая наступления припадка. К счастью, этого не случилось...» [12]. «Федя же восхищался этой картиной. Желая рассмотреть ее ближе, он стал на стул, и я очень боялась, чтобы с него не потребовали штраф...» [11]. В 1869 г. эта картина появится в романе «Идиот», поразив Рогожина и князя Мышкина:

«Это копия с Ганса Гольбейна, – сказал князь, успев рассмотреть картину, – и хоть я знаток небольшой, но, кажется, отличная копия. Я эту картину за границей видел, и забыть не могу» [13 (Т. 8, С. 181)].

Интересно отметить, что к аффект-эпилептикам Сегалин относил и Наполеона: «Эпилепсия Наполеона есть не что иное, как аффект-эпилепсия» [24] – кумира нескольких героев Достоевского, толкнувшего на преступление Раскольникова, несомненно, волновавшего и самого писателя. Помимо романа «Преступление и наказание»: «Что если бы, например, на моем месте случился Наполеон...» [13 (Т. 6, С. 319)], «наполеоновская» тема встречается и в более ранних работах. Так, в рассказах «Господин Прохарчин» 1846 г.: «Что вы, один что ли на свете? Для вас свет что ли сделан? Наполеон вы, что ли какой?» [13 (Т. 1, С. 257)], «Записки из подполья» 1864 г.: «Вот вам Наполеон – и великий, и теперешний» [13 (Т. 5, С. 112)].

Среди врачей и биографов не существует единого мнения и о дебюте заболевания. По мнению большинства, Достоевский «приобрел» эпилепсию в ссылке. Одно из первых упоминаний о припадках в письме Достоевского брату из ссылки 1854 г.: «От расстройства нервов у меня случилась падучая, но, впрочем, бывает редко». В дальнейшем течение болезни будет ухудшаться и в 1867 г. «каждые 10 дней по припадку, а потом дней 5 не опомнюсь», в 1877 г.: «когда припадки долго не бывают и вдруг разразятся, то наступает тоска необычайная, нравственная. Прежде эта хандра продолжалась дня три после припадка, а теперь дней по семи, по восьми...» [14]. Тем не менее упоминание об эпилепсии появляется в работах Достоевского 1840-х годов. Так, в рассказе «Хозяйка» 1847 г. есть описание не только эпилептического припадка: «Мурин лежал на полу; его коробило в судорогах, лицо его было искажено в судорогах, и пена показывалась на искривленных губах его. Ордынов догадался, что несчастный был в жесточайшем припадке падучей болезни...» [13 (Т. 1, С. 281)], но и сумеречного помрачения сознания: «Говорят, что в болезненном припадке сумасшествия он посягнул на жизнь одного молодого купца, которого прежде чрезвычайно любил. Он был так поражен, когда очнулся после припадка, что готов был лишиться себя жизни...» [13 (Т. 1, С. 286)]. Упоминается вскользь о расстройстве, похожем на эпилепсию, и в рассказе «Господин Прохарчин» 1847 г.: «...и

увидели, что действительно хмелю тут не было, да и кондрашка не трогал, а был другой какой не есть грех, затем что Семен Иванович и языком не ворочал, а как будто судорогой его какой дергало, и только хлопал глазами...» [13 (Т. 1, С. 248)].

Следует отметить, что и до припадков Достоевский страдал невыясненной «нервной болезнью». Андрей Михайлович (брат Достоевского) указывал в «Новом Времени» на то, что в молодости Федор Михайлович оставлял перед сном записки: «Сегодня со мной может случиться летаргический сон, а потому – не хороните меня столько-то дней» [30]. Врач и друг Достоевского С.Д. Яновский пишет: «Первая болезнь, для которой Ф.М. обратился ко мне, была чисто местною, но он часто жаловался на особенные головные дурноты... Я же, наблюдая за ним внимательно постоянно допускал какую-нибудь нервную болезнь» [10]. В 1846 г. Достоевский пишет брату: «Здоровье мое ужасно расстроено; я болен нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической» [14].

Некоторое уклончивое описание «головных дурнот» можно найти в романе «Униженные и оскорбленные» 1861 г.:

«Да что с тобой? На тебе лица нет.

– Нездоровится. С самого утра кружится голова.

– Ну, смотри, этим нечего пренебрегать. Простудился, что ли?

– Нет, просто нервный припадок. У меня это иногда бывает» [13 (Т. 3, С. 288)].

Некоторые зарубежные исследователи, стремясь разгадать природу припадков Ф.М. Достоевского, проводили полное обследование тех пациентов, аура которых была похожа на ощущения, испытываемые писателем перед приступом, исходя из описания переживаний князя Мышкина в романе «Идиот» и воспоминаний современников. Такой подход возможен благодаря исключительной редкости ауры Достоевского, которую некоторые ученые называют «экстатической» или «оргазмической». Одним из первых обратил на это внимание психиатр В.Ф. Чиж: «До сих пор никто из гениальных эпилептиков не познакомил нас так красноречиво со своей (предшествующей припадку) аурой. Я уверен, что эти строки перейдут в учебник психиатрии» [28]. Из воспоминаний С. Ковалевской мы имеем представление о том, как относился Достоевский к своей болезни: «Вы все, здоровые люди, – продолжал он, – и не подозреваете, что такое счастье, то

счастье, которое испытываем мы, эпилептики, за секунду перед припадком... Не знаю, длится ли это блаженство секунды, или часы, или месяцы, но верьте слову, все радости, которые может дать жизнь, не взял бы я за него!» [17].

Е.А. Amâncio et al. приводят описание двух пациентов с аурой, похожей на ауру Достоевского, и в обоих случаях эпилептический очаг локализовался в височной доле [31]. С ними согласовываются результаты J. Janszky et al., которые исследовали 22 случая «экстатической» ауры и, по результатам работы, у большинства пациентов источником приступов была правая височная область [40, 41]. Височная эпилепсия наблюдалась у всех пациентов, обследованных R.M. Sadler, аура которых была представлена ощущением предвидения [48], а у одного пациента, обследованного Н. Morgan, была обнаружена опухоль височной доли [45]. Сходные результаты получены и другими авторами [42, 49]. Согласно исследованиям J.R. Hughes, в опытах на животных моделях такая аура достигалась с помощью опытов электростимуляции лимбических отделов мозга [39]. К.О. Nakken, проведя анализ литературы, биографии Wise-Knut (писателя, страдавшего эпилепсией) и собственных ощущений, предположил существование особой ауры, заключающейся в переживании религиозного опыта людьми, страдающими височной эпилепсией [46].

«В эту самую минуту ударили колокола соседней церкви к заутрени. Воздух весь загудел и заколыхался. И я почувствовал, – рассказывал Федор Михайлович, – что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постиг бога и проникнулся им.

– Да, есть бог! – закричал я, – и больше ничего не помню» [17].

Вместе с тем остается открытым вопрос о существовании сочетанной парциальной и генерализованной эпилепсии, в результате которой некоторые исследователи предположили «двойную» этиологию болезни Достоевского: поражение височной доли и конституциональную предрасположенность к генерализованным припадкам [36, 38, 39, 52]. Нельзя не отметить, что существует теория сифилитической этиологии эпилепсии Достоевского [43].

В пользу диагноза парциальной эпилепсии свидетельствует и состояние Достоевского после припадков, которое, помимо дисфории: «Федя бранился, зачем аллеи прямы, зачем тут пруд, зачем – то, зачем – другое» [12], включало

симптомы поражения височной области: «Я долгое время не мог говорить»; «Когда я писал, я все равно делал ошибки в словах» (после припадков); «Из этого вы можете заключить, какая у меня ужасная память (вследствие припадков моей падучей болезни). Я даже лица людей, с которыми познакомился, забываю, и, встречаясь потом, не узнаю их и таким образом (верите ли?) наживаю даже врагов» [14]. Из воспоминаний А.С. Суворина: «Сидя за маленьким своим столом, он набивал себе папиросы и показался мне очень странным – точно он был пьян. «Не удивляйтесь, – глядя на меня, сказал он, – у меня сейчас был припадок»» [10].

Подробные описания таких состояний можно найти на страницах рассказов и романов: «Вельчанинов давно уже, например, жаловался на потерю памяти: он забывал лица знакомых людей, которые, при встречах, за это на него обижались; книга, прочитанная им полгода назад, забывалась в этот срок иногда совершенно» [13 (Т. 9, С. 7)]. «Право, это обнаруживалось даже в самых мелких пустяках: я, например, случалось, иду по улице и натякаюсь на людей...» («Сон смешного человека»); «Долго и бессознательно бродил он по улицам...» [13 (Т. 1, С. 270)].

J.R. Hughes предположил, что Достоевский – прекрасный пример «личности височной доли». Термин «синдром правой височной доли», или «синдром Гешвинда», известный также как «синдром Гешвинда–Вакса» обозначает комплекс поведенческих расстройств, характеризующийся повышенной набожностью и религиозностью, интересом к вопросам философии и морали, гиперграфией, вязкостью, обстоятельностью, недостатком чувства юмора, т.е. теми изменениями личности, которые в XIX веке приписывали всем людям, страдающим эпилепсией [33, 34, 37, 39].

П.И. Карпов обращает внимание на обстоятельность, витиеватость и тяжесть стиля писателя: «Речь очень часто характеризуется персеверацией, застреванием на мелочах, когда человек с ненужными подробностями описывает мало-значимые явления. У Достоевского опять-таки есть характерное место, указывающее на данный симптом:

«Князь Мышкин? Не знаю-с. Так что даже и не слышал-с, – отвечал в раздумье чиновник, – то есть я не об имени, имя историческое, я об лице-с, да и князей Мышкиных-то уже нигде не встречается, даже и слух затих-с» [16].

Л. Яковлев обращает внимание на вязкость мысли Д., отражающуюся в его «Дневнике»: «К числу таких примеров «вязкого» мышления и формирования «сверхценных идей» могут быть отнесены содержащиеся в рукописях Достоевского бесконечные высказывания о ничтожности и бесполезности интеллигенции...» [30].

Еще в большей степени обстоятельность и вязкость стиля писателя отражаются в письмах: «Свои письма Достоевский часто начинает с сообщения о том, что находится под бременем забот, которые «...все время и все соки отнимают». Погружая адресата в мелкие и непрерывные хлопоты, Достоевский старается аккуратно и точно перечислять действия, сменяющие друг друга». «Несмотря на то, что Достоевский стремится к точному выражению мысли, он наполняет фразу вводными словами, оговорками, предполагающими обратное, вводит предложения, дублирующие одну и ту же мысль». «Стараясь «писать в некотором порядке», Достоевский стремится как можно точнее, яснее, с перечислением мелких подробностей построить фразу. Подробно разъясняя сказанное, Достоевский располагает фразы таким образом, что они, дублируя друг друга, создают вязкое пространство речевой стихии» [20]. Мимоходом отмечает это и психиатр, патолог Д.А. Аменицкий: «Все это описание с глубокой правдивостью отражает переживания эпилептика, правда может быть слишком нагроможденные в одном предприпадочном состоянии с неоднократными повторениями и излишней обстоятельностью в деталях, но здесь сказывается одна из эпилептических черт в творчестве самого автора, что сообщает двойную ценность описываемой картине в глазах психиатра» [1].

На педантичность в деталях обращает внимание В.В. Бабков: «Из писем его к своей жене: «Пиши обо всех мелочах... Пиши мне побольше подробностей о себе, не пропускай ничего... Больше мелких подробностей... уведомляй о каждой мелочи... Пиши о себе все до последней подробности... Пиши обо всем, поболее частностей, мелочей...» и т. д.» [2]. «Мелочи, мелочи главное!..» – кричит Раскольников [13 (Т. 6, С. 7)]. Показательным является и тот факт, что Достоевский вел специальные тетради, в которых подробно и пунктуально документировал время и характер припадков, и, как отмечает Л. Яковлев, всего в его записных книжках и рабочих тетрадях в 1860–1880 гг. отмечено около восьмидесяти приступов болезни [30].

Интересен и узнаваемый почерк Достоевского: ключевые слова, выделяемые курсивом, которые повторяются в работах, вышедших в печать с разницей в десять лет. Так, слово *дело* встречается в романе 1847 г.: «...ему до сих пор ни разу не случалось выходить *по делам...*» [13 (Т. 1, С. 266)] и 1866 г.: «...если б я *то дело* сделал...»; существительное *проба* – в 1866 г.: «...Ведь еще вчера, вчера, когда я пошел делать эту...*пробу...*» [13 (Т. 6, С. 50)] и в 1875 г.: «...но уже несколько дней назад я положил, в день получения жалования, сделать «пробу», о которой давно мечтал» [13 (Т. 13, С. 36)].

Неотъемлемой частью атмосферы романов Достоевского становится некоторая таинственность, которая, по воспоминаниям современников, была свойственна автору: «Часто он рассказывал по вечерам жуткие истории или предлагал присутствующим проделать такой опыт: просидеть в пустой комнате перед зеркалом минут пять, смотря, не отрываясь, себе в глаза. По его словам, это очень страшно и почти невозможно выполнить» [10]. Предчувствия, предзнаменования, странные ощущения, знаки и символы преследуют героев: «Вдруг он вздрогнул: одна, тоже вчерашняя мысль опять пронеслась в его голове. Но вздрогнул он не оттого, что пронеслась эта мысль. Он ведь знал, он предчувствовал, что она «пронесется», и уже ждал ее...» [13 (Т. 6, С. 39)]. «...Отчего же мне, с первого раза, как я ее увидел, тотчас же пришло в голову, что эта собака не может быть такая, как все собаки; что она – собака необыкновенная; что в ней непременно должно быть что-то фантастическое, заколдованное; что это, может быть, какой-нибудь Мефистофель в собачьем виде...» [13 (Т. 3, С. 171)].

Склонность Достоевского к мистификациям, розыгрышам и некоторой театральности ярко и блестяще воплощается в ключевых диалогах, в тот момент крайнего напряжения, когда решается судьба героя. Характерная лексика Достоевского – лексика «предельных значений» [9] – в таких ситуациях звучит естественно и органично:

«Иван вздрогнул, ему вспомнился Алеша.

– Я знаю, что не я... – пролепетал было он.

– Зна-е-те? – опять подхватил Смердяков.

Иван вскочил и схватил его за плечо:

– Говори все, гадина! говори все!

Смердяков несколько не испугался. Он только с безумною ненавистью приковался к нему глазами:

– Ан вот вы-то и убили, коль так, – яростно прошептал он ему» [13 (Т. 15, С. 59)].

«Раскольников весь задрожал, как будто пронзенный.

– Так... кто же... убил?.. – спросил он, не выдержав, задышающимся голосом. Порфирий Петрович даже отшатнулся на спинку стула, точно уж так неожиданно и он был изумлен вопросом.

– Как кто убил?.. – переговорил он, точно не веря ушам своим, – да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с... – прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом» [13 (Т. 6, С. 349)].

Благодаря своей манере, Достоевский особенно точно передает переживания человека, охваченного игрой, дает возможность почувствовать азарт игрока.

«Zéro! – крикнул крупер.

– Что!!! – с неистовым торжеством обратилась ко мне бабушка.

Я сам был игрок; я почувствовал это в ту самую минуту. У меня руки-ноги дрожали, в голову ударило» [13 (Т. 5, С. 265)].

В.П. Белянин, «соотнося языковые категории с психиатрическими», рассматривает «темный» тип текстов, который коррелирует с проявлением эпилептоидной акцентуации. Синтаксис таких текстов характеризуется «отрывистостью, которая проявляется в пропусках глаголов, местоимений, обилии таких пунктуационных знаков, как тире, двоеточие, кавычки, многоточие, сочетаниях восклицательного знака с многоточием» [7]. Такой синтаксис отражает импульсивность героев, их страстные переживания, несдержанность аффекта: «ибо на всем свете... по-настоящему... по-на-сто-яще-му... (вникни! вникни!) люблю только одного тебя!» [13 (Т. 14, С. 96)]. «Чтобы вы не губили его, ну да, не губили!» [13 (Т. 5, С. 271)]; «Это гнусный вздор... потому, потому... знайте же!» [13 (Т. 5, С. 316)]. «Ба, Заметов!...контора!...А зачем меня в контору зовут?» [13 (Т. 6, С. 99)]. «Так и закричит: а-а-а!!! Да ты рассуждай; ну, что ж такое? ...» [13 (Т. 2, С. 21)].

L.G. Kiloh в работе «Эпилепсия Достоевского» отмечает, что предположение о невротической природе припадков Достоевского подтверждается продолжавшимися в течение всей жизни ипохондрией, склонностью к obsessions, параноидными чертами, склонностью к реактивной депрессии, переживаемыми эпизодами псевдогаллюцинаций [44]: «...В то время я, вдобавок

ко всему, был болен ипохондрией...» из письма М.Н. Каткову 11 января 1858 г. [14]; «Вина и кутежа он был решительный враг, будучи от природы чрезвычайно мнительным и состоя под страхом кондрашки, он всячески воздерживался от всего возбуждающего» [10]. Ипохондрия, наряду с мнительностью и тщеславием, в той же мере присущими Достоевскому, – пожалуй, самые распространенные слабости его героев: «Ипохондрия его росла с каждым днем; но к ипохондрии он уже был склонен давно» [13 (Т. 9, С. 5)]; «Я человек большой...» [13 (Т. 5, С. 99)]. «Полтора года я Родиона знаю: угрюм, мрачен, надменен и горд; в последнее время мнителен и ипохондрик» [13 (Т. 6, С. 165)].

«Я, может, только к тебе забегу и спрошу: что и как?

Если только сам жив буду.

Я действительно почувствовал, что меня как будто что ударило в самое сердце» [13 (Т. 3, С. 287)].

Из воспоминаний С.Д. Яновского: «Стоило кому-нибудь случайно сказать: “Какой славный, душистый чай!” Как Ф.М., пивший обыкновенно не чай, а теплую водицу, вдруг встанет с места, подойдет ко мне и шепнет на ухо: «Ну, а пульс, батенька, каков? а? ведь чай-то цветочный!» [10]. А господин Прохарчин «сам почти не пил чаю, а пил, когда была надобность, какой-то довольно приятный настой из полевых цветов и некоторых целебного свойства трав, всегда в значительном количестве у него запасенный...» [13 (Т. 1, С. 241)].

S.R. Baumann et al. обратили внимание на связь между эпилепсией автора и частой встречаемостью эпилептоидных черт в характерах героев [32], даже у тех, которые не страдают эпилепсией. И хотя Д.А. Аменицкий приводит в пример Раскольникова как эпилептика без эпилептических припадков [1], Достоевский практически прямо указывает на болезнь Раскольникова: «Он вышел, весь дрожа от какого-то истерического ощущения, в котором между тем была часть нестерпимого наслаждения, – впрочем, мрачный, ужасно усталый. Лицо его было искривлено, как бы после какого-то припадка» [13 (Т. 6, С. 129)].

Богатой палитрой представлены сверхценные идеи у героев Достоевского, самые яркие и постоянные из которых присутствуют практически во всех его работах – идеи обогащения. Финансовые затруднения начались у Достоевского еще в институте. Так, он пишет отцу: «Что же; не пив

чаю, не умрешь с голода. Проживу как-нибудь! Но я прошу у Вас хоть что-нибудь мне на сапоги в лагери...» [14]. В работах разных периодов творчества можно заметить внутреннюю борьбу писателя и выводы, представляющие собой две крайности: завладеть деньгами разом, перешагнув через себя, как поступает Раскольников: «Ну... ну, вот я и решил, завладев старухиними деньгами, употребить их на мои первые годы, не мучая мать, на обеспечение себя в университете, на первые шаги после университета, и сделать всё это широко, радикально,...» [13 (Т. 6, С. 319)], или копить нечеловеческим упорством и математическим расчетом, подавив свои желания и интересы, как Ипполит: «Я слово сдержу. Я умею на хлебе с квасом целые месяцы просидеть, потому что у меня есть характер» [13 (Т. 8, С. 163)] или «просто» Долгорукий: «Я стал себя пробовать: способен ли я на монастырь и на схимничество? С этой целью я целый месяц ел только один хлеб с водой» [13 (Т. 13, С. 67)]. Эталонном волевого самоконтроля становится главный герой рассказа «Господин Прохарчин», который не пьет пресловутый чай, но спит на миллионе, зашитом в матраце.

Достоевский всегда был на пьедестале классической литературы и в центре внимания критиков, что неминуемо привело к формированию представлений, озвученных еще в 1929 г. Г. Гессе: «О Достоевском трудно сказать что-либо новое. Все, что можно было сказать о нем умного и дельного, уже сказано, все казавшееся когда-то новым и оригинальным устарело в свой черед...». Однако уникальность работ Достоевского заключается как раз в том, что на них всегда можно взглянуть с другой, новой точки зрения, что, несомненно, предоставляет широкое поле для дальнейших научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аменицкий Д.А. Эпилепсия в творческом освещении Ф.М. Достоевского // Памяти Петра Борисовича Ганнушкина. Труды психиатрической клиники первого ММИ. 1934. Вып. 4. С. 417–431.
2. Бабков В.В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 800 с.
3. Баженов Н.Н. Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. М., 1903. 59 с.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 316 с.
5. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. М.: АСТ, 2006. 256 с.
6. Бехтерев В.М. Достоевский и художественная психопатология // Психология судьбы. Екатеринбург, 1996. Т. 2, № 4. С. 151–172.
7. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). М.: Тривола., 2000. 248 с.
8. Галант И.Б. Эвродокринология великих русских писателей: Достоевский, Некрасов, Леонид Андреев, Крылов // Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии). 1927. Т.3, вып. 3.
9. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрисс-Пресс, 2007. 448 с.
10. Григоренко В.В., Гудзия Н.К., Макашина С.А., Машинский С.И., Рюрикова Б.С. Достоевский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1964. 960 с.
11. Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993. 464 с.
12. Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987. 560 с.
13. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
14. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Том 15. Письма. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1996.
15. Зиновьев П.М. О задачах патографической работы / Памяти Петра Борисовича Ганнушкина. Труды психиатрической клиники первого ММИ. 1934. Вып. 4. С. 411–415.
16. Карпов И.П. Авторология русской литературы (И.А.Бунин, Л.Н. Андреев, А.М. Ремизов): Монография, 2-е изд. М.: Флинта, 2011. 640 с.
17. Ковалевская С.В.. Воспоминания детства. Нигилистка. М: Сов. Россия, 1989. С. 112–140; 173–182.
18. Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Достоевский над бездной безумия. М.: Когито-Центр, 2003. 227 с.
19. Медведева Д.А., Казаков А.А. Проблема безумия в романах Ф.М. Достоевского 1865-1880-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 33–38.
20. Мелешко Е.В. Письма Ф.М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя: Автореф. дисс. канд. филологич. наук. Барнаул, 2004.
21. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 624 с.
22. Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ: пер. с англ. М.: Ладомир, 2004. 1017 с.
23. Розенталь Т. Страдание и творчество Достоевского // Вопросы изучения и воспитания личности. 1920. №1.
24. Сегалин Г.В. Клинический архив гениальности и одаренности. СПб: Геликон Плюс, 2004. 192 с.
25. Сегалов Т.Е. Болезнь Достоевского // Научное слово. 1929. №4, С. 91–98.
26. Смирнов И.П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 396 с.
27. Фрейд З. Интерес к психоанализу. М.: Попурри, 2009. С. 108–131.
28. Чиж В.Ф. Достоевский как психопатолог / Болезнь Н.В. Гоголя. М., 2002. С. 287–383.
29. Юрман Н.А. Болезнь Достоевского // Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии). 1928. Т. 4, вып.1.
30. Яковлев Л. Достоевский: призраки, фобии, химеры: заметки читателя. Харьков: Каравелла, 2006. 242 с.

31. Amâncio E.J, Zymborg S.T., Pires MF. Temporal lobe epilepsy and aura with happiness and pleasure: report of 2 cases and review of the literature // *Arq Neuropsiquiatr.* 1994. Vol. 52, №2. P. 252–259.

32. Baumann C.R. et al. Did Fyodor Mikhailovich Dostoevsky suffer from mesial temporal lobe epilepsy? // *Seizure.* 2005. Vol. 14, №5. P. 324–330.

33. Blumer D. Evidence supporting the temporal lobe epilepsy personality syndrome // *Neurology.* 1999. Vol. 53, №2. P. 9–12.

34. Devinsky J., Schachter S. Norman Geschwind's contribution to the understanding of behavioral changes in temporal lobe epilepsy: the February 1974 lecture // *Epilepsy Behav.* 2009. Vol. 15, №4. P. 417–424.

35. de Souza L.C., Mendes M.F. Prince Liev Nikoláievitch Michkin («The Idiot», Fiódor Dostoevsky) and the interictal personality syndrome of temporal lobe epilepsy // *Arq Neuropsiquiatr.* 2004. Vol. 62, №2B. P. 558–564.

36. Gastaut H. New comments on the epilepsy of Fyodor Dostoevsky // *Epilepsia.* 1984. Vol. 25, №4. P. 408–411.

37. Geschwind N. Interictal behavioral changes in epilepsy // *Epilepsia.* 1983. №24. P. 23–30.

38. Horváth Z. Dostoevsky's epileptic experiences and his descriptions of epilepsy in the mirror of modern neurology // *Orvostört Kozl.* 2011. Vol. 57, №1-4. P. 69–95.

39. Hughes J.R. The idiosyncratic aspects of the epilepsy of Fyodor Dostoevsky // *Epilepsy Behav.* 2005. Vol. 7, №3. P. 531–538.

40. Janszky J. et al. Orgasmic aura originates from the right hemisphere // *Neurology.* 2002. Vol. 58, №2. P. 302–304.

41. Janszky J. et al. Orgasmic aura—a report of seven cases // *Seizure.* 2004. Vol. 13, №6. P. 441–444.

42. Iniesta I. Neurology and literature // *Neurologia.* 2010. Vol. 25, №8. P. 507–514.

43. Kierulf H., Kjetsaa G. Dostoevsky's epilepsy – a new view on a great writer's illness // *Tidsskr Nor Laegeforen.* 1999. Vol. 119, №17. P. 2474–2476.

44. Kiloh LG. The epilepsy of Dostoevsky // *Psychiatr Dev.* 1986 №1. P. 31–44.

45. Morgan H. Dostoevsky's epilepsy: a case report and comparison // *Surg Neurol.* 1990. Vol. 33, №6. P. 413–416.

46. Nakken K.O., Brodtkorb E. Epilepsy and religion // *Tidsskr Nor Laegeforen.* 2011. Vol. 131, (13-14). P. 1294–1297.

47. Rayport S.M., Rayport M., Schell C.A. Dostoevsky's epilepsy: a new approach to retrospective diagnosis // *Epilepsy Behav.* 2011. Vol. 22, №3. P. 557–570.

48. Sadler R.M., Rahey S. Prescience as an aura of temporal lobe epilepsy // *Epilepsia.* 2004. Vol. 45, №8. P. 982–984.

49. Seneviratne U. Fyodor Dostoevsky and his falling sickness: a critical analysis of seizure semiology // *Epilepsy Behav.* 2010. Vol. 18, №4. P. 424–430.

50. Siegel A.M., Dorn T. Dostoevsky's life in the interrelation between epilepsy and literature // *Nervenarzt.* 2001. Vol. 72, №6. P. 466–474.

51. Stefan H. et al. Ictal pleasant sensations: cerebral localization and lateralization // *Epilepsia.* 2004. Vol.45, №1. P. 35–40.

52. Voskuil P.H. Epilepsy in Dostoevsky's novels // *Front Neurol Neurosci.* 2013. №31. P. 195–214.

REFERENCES

1. Amenitskii D.A. In: *Pamyati Petra Borisovicha Gannushkina. Trudy psikhiatricheskoi kliniki pervogo MMI.* 1934. № 4. pp. 417–431. (in Russian)
2. Babkov V.V. *Zarya genetiki cheloveka. Russkoe evgenicheskoe dvizhenie i nachalo genetiki cheloveka.* Moscow: Progress-Traditsiya, 2008. 800 p. (in Russian)
3. Bazhenov N.N. *Psikhiatricheskie besedy na literaturnye i obshchestvennye temy.* Moscow, 1903. 59 p. (in Russian)
4. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo.* Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1979. 316 p. (in Russian)
5. Berdyayev N. *Mirosozertsanie Dostoevskogo.* Moscow: AST, 2006. 256 p. (in Russian)
6. Bekhterev V.M. In: *Psikhologiya sud'by.* Ekaterinburg, 1996. Vol. 2, № 4. pp. 151–172. (in Russian)
7. Belyanin V.P. *Osnovy psikholingvisticheskoi diagnostiki (Modeli mira v literature).* Moscow: Trivola., 2000. 248 p. (in Russian)
8. Galant I.B. *Klinicheskii arkhiv genial'nosti i odarennosti (evropatologii).* 1927. Vol. 3, № 3. (in Russian)
9. Golub I.B. *Stilistika russkogo yazyka.* Moscow: Airiss-Press, 2007. 448 p. (in Russian)
10. Grigorenko V.V., Gudziya N.K., Makashina S.A., Mashinskii S.I., Ryurikova B.S. *Dostoevskii v vospominaniyakh sovremennikov.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1964. 960 p. (in Russian)
11. Dostoevskaya A.G. *Dnevnik 1867 goda.* Moscow: Nauka, 1993. 464 p. (in Russian)
12. Dostoevskaya A.G. *Vospominaniya.* Moscow: Pravda, 1987. 560 p. (in Russian)
13. Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* Leningrad: Nauka, 1972–1990. (in Russian)
14. Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii v 15 tomakh. Tom 15. Pis'ma.* Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1996. (in Russian)
15. Zinov'ev P.M. In: *Pamyati Petra Borisovicha Gannushkina. Trudy psikhiatricheskoi kliniki pervogo MMI.* 1934. № 4. pp. 411–415. (in Russian)
16. Karpov I.P. *Avtorologiya russkoi literatury (I.A. Bunin, L.N. Andreev, A.M. Remizov): Monografiya, 2-e izd.* Moscow: Flinta, 2011. 640 p. (in Russian)
17. Kovalevskaya S.V. *Vospominaniya detstva. Nigilistka.* Moscow: Sov. Rossiya, 1989. pp. 112–140; 173–182. (in Russian)
18. Kuznetsov O.N., Lebedev V.I. *Dostoevskii nad bezdnoi bezumiya.* Moscow: Kogito-Tsentr, 2003. 227 p. (in Russian)
19. Medvedeva D.A., Kazakov A.A. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2011. № 351. pp. 33–38. (in Russian)
20. Meleshko E.V. Extended abstract of PhD dissertation (Philology). Barnaul, 2004. (in Russian)
21. Merezhkovskii D.S. L. *Tolstoi i Dostoevskii. Vechnye sputniki.* Moscow: Respublika, 1995. 624 p. (in Russian)
22. Rankur-Lafer'er D. *Russkaya literatura i psikhooanaliz: per. s angl.* Moscow: Lodomir, 2004. 1017 p. (in Russian)
23. Rozental' T. *Voprosy izucheniya i vospitaniya lichnosti.* 1920. №1. (in Russian)
24. Segalin G.V. *Klinicheskii arkhiv genial'nosti i odarennosti.* St.Petersburg: Gelikon Plyus, 2004. 192 p. (in Russian)

25. Segalov T.E. *Nauchnoe slovo*. 1929. №4, pp. 91–98. (in Russian)
26. Smirnov I.P. *Psikhodiakhronologika. Psikhistoriya russkoi literatury ot romantizma do nashikh dnei*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1994. 396 p. (in Russian)
27. Freid Z. *Interes k psikhoanalizu*. Moscow: Popurri, 2009. pp. 108–131. (in Russian)
28. Chizh V.F. In: *Bolezn' N.V. Gogolya*. Moscow, 2002. pp. 287–383. (in Russian)
29. Yurman N.A. *Bolezn' Dostoevskogo*. In: *Klinicheskii arkhiv genial'nosti i odarennosti (evropatologii)*. 1928. Vol. 4, № 1. (in Russian)
30. Yakovlev L. *Dostoevskii: prizraki, fobii, khimery: zametki chitatelya*. Kharkov: Karavella, 2006. 242 p. (in Russian)
31. Amâncio E.J, Zymberg ST, Pires MF. Temporal lobe epilepsy and aura with happiness and pleasure: report of 2 cases and review of the literature. *Arq Neuropsiquiatr*. 1994. Vol. 52, №2. pp. 252–259.
32. Baumann C.R., et al. Did Fyodor Mikhailovich Dostoevsky suffer from mesial temporal lobe epilepsy? *Seizure*. 2005. Vol. 14, №5. pp. 324–330.
33. Blumer D. Evidence supporting the temporal lobe epilepsy personality syndrome. *Neurology*. 1999. Vol. 53, №2. pp. 9–12.
34. Devinsky J., Schachter S. Norman Geschwind's contribution to the understanding of behavioral changes in temporal lobe epilepsy: the February 1974 lecture. *Epilepsy Behav*. 2009. Vol. 15, №4. pp. 417–424.
35. de Souza L.C., Mendes M.F. Prince Liev Nikoláievitch Michkin ("The Idiot", Fiódor Dostoevsky) and the interictal personality syndrome of temporal lobe epilepsy. *Arq Neuropsiquiatr*. 2004. Vol. 62, №2B. pp. 558–564.
36. Gastaut H. New comments on the epilepsy of Fyodor Dostoevsky. *Epilepsia*. 1984. Vol. 25, №4. pp. 408–411.
37. Geschwind N. Interictal behavioral changes in epilepsy. *Epilepsia*. 1983. №24. pp. 23–30.
38. Horváth Z. Dostoevsky's epileptic experiences and his descriptions of epilepsy in the mirror of modern neurology. *Orvostort Kozl*. 2011. Vol. 57, №1-4. pp. 69–95.
39. Hughes J.R. The idiosyncratic aspects of the epilepsy of Fyodor Dostoevsky. *Epilepsy Behav*. 2005. Vol. 7, №3. pp. 531–538.
40. Janszky J. et al. Orgasmic aura originates from the right hemisphere. *Neurology*. 2002. Vol. 58, №2. pp. 302–304.
41. Janszky J. et al. Orgasmic aura—a report of seven cases. *Seizure*. 2004. Vol. 13, №6. pp. 441–444.
42. Iniesta I. Neurology and literature. *Neurologia*. 2010. Vol. 25, №8. pp. 507–514.
43. Kierulf H., Kjetsaa G. Dostoevsky's epilepsy—a new view on a great writer's illness. *Tidsskr Nor Laegeforen*. 1999. Vol. 119, №17. pp. 2474–2476.
44. Kiloh LG. The epilepsy of Dostoevsky. *Psychiatr Dev*. 1986 №1. pp. 31–44.
45. Morgan H. Dostoevsky's epilepsy: a case report and comparison. *Surg Neurol*. 1990. Vol. 33, №6. pp. 413–416.
46. Nakken K.O., Brodtkorb E. Epilepsy and religion. *Tidsskr Nor Laegeforen*. 2011. Vol. 131, (13-14). pp. 1294–1297.
47. Rayport S.M., Rayport M., Schell C.A. Dostoevsky's epilepsy: a new approach to retrospective diagnosis. *Epilepsy Behav*. 2011. Vol. 22, №3. pp. 557–570.
48. Sadler R.M., Rahey S. Prescience as an aura of temporal lobe epilepsy. *Epilepsia*. 2004. Vol. 45, №8. pp. 982–984.
49. Seneviratne U. Fyodor Dostoevsky and his falling sickness: a critical analysis of seizure semiology. *Epilepsy Behav*. 2010. Vol. 18, №4. pp. 424–430.
50. Siegel A.M., Dorn T. Dostoevsky's life in the interrelation between epilepsy and literature. *Nervenarzt*. 2001. Vol. 72, №6. pp. 466–474.
51. Stefan H. et al. Ictal pleasant sensations: cerebral localization and lateralization. *Epilepsia*. 2004. Vol. 45, №1. pp. 35–40.
52. Voskuil P.H. Epilepsy in Dostoevsky's novels. *Front Neurol Neurosci*. 2013. №31. pp. 195–214.

Поступила 26.02.14.